

Сторона моя — сторонушка

1. «Родные низы»

Последняя треть XIX века. Среднее Приангарье. Яндинская волость.

Яндинская волость протянулась вдоль Ангары на расстоянии более 100 верст. Входили в эту волость деревни и деревушки: Ключи, Попова, Серова, само село Янды, которое начиналось с Яндинского острога, Хутор, Шишиморово, Монастырское, Аносово, Федоровка, Бердникова, Бутакова, Филиппова, Куй, Аталанка, Криволицкая, Еремина, Шайдорова.

Вся эта местность по одним источникам заселена была стрельцами и астраханскими казаками, сосланными за бунты в Сибирь еще при Петре I; по другим источникам — основатели деревень Яндинской волости, в том числе и Распутины, пришли с Мурманских краев. Что интересно, Янды — волостной центр, старше Усть-Уды на 30 лет. Явлинский острог (общая длина этого укрепления около 100 сажен) с одной проезжей башней основан в 1660 году. Янды в переводе с эвенкийского означает место совершения шаманских обрядов.

В 1723 году село Янды состояло из 8 дворов, где проживало 68 душ мужского пола, в том числе: 4 пашенных крестьян, 7 хлебных обротчиков, 4 бобыля, 7 членов семьи сына боярского, 1 казак, 3 богодельщика, 4 крестьянских сына и 2 гулящих. В двух селениях Яндинской волости числилось 687 душ мужского пола. Эти два селения — д. Аносовка и д. Аталанка. В Аносовской деревне в 1692 году был всего 1 двор, в Аталанской — в 1723 году — 3 двора. Именно в 1723 году Аталанская деревня впервые упоминается в летописи, хотя основана она, конечно, раньше, где-то в конце XVII века. В XIX веке количество селений, входящих в Яндинскую волость, значительно увеличилось.

Все селения, за исключением д. Куй, располагались по правую и левую руку Ангары. Около каждого селения со старых времен произведены были расчистки для пашен. На всем остальном пространстве во всю необозримую ширь протянулась первобытная, нетронутая тайга. Из-за этой тайги, из-за обилия в ней ключей хлеба в Яндинской волости вымерзали чаще, чем в других местах Иркутской губернии. На северной стороне, по свидетельству крестьян, хоть не сей: если благополучно пройдут весенние заморозки, то хлеб погибнет от ранних осенних.

Близость тайги (нет худа без добра) дает Яндинскому крестьянину заработок

от звероловства. Почти все мужское население «низов¹» уходит осенью и весной в тайгу, на звериный промысел. Охотились: добывали белку, иногда — соболя, били коз, изюбрей, лосей. Ловили зверя плашками, кулемками, настораживали ямы, но охотились и с ружьями. Добычливых прежних охотников сейчас уже не вспомнишь, но один остался в людской памяти: Максим Егорович Слободчиков, который за всю жизнь добыл 39 медведей. «Сорокового нельзя убивать!» — говорил он.

Дорог, как описывалось в старых книгах, в Яндинской волости не было. Летом плавали на лодках — шитиках, зимой крестьяне перевозили груз на конях по льду Ангары, расчищая торосы. Из наблюдений пришлого статиста, характер яндинца получается не очень-то привлекательный: он необщительный, угрюм, простодушен, неразвит, полон суеверий. Его потребности ограничены: он плохо питается, бедно одевается, грязно живет.

Яндинская волость имеет еще одну особенность: на всю местность нет ни одной лавки, если не считать трех небольших, которые находятся в Яндах, и нет ни одного кабака, но это не значит, что яндинец не пьет: он употребляет хлебный тарасун домашнего производства. И в то же время пьяницы в деревне были редкостью.

Торговлишка в Яндах в основном велась летом по прибытии барж и пароходов. А зимой крестьянин вез излишки в Усть-Уду, где имелся базар.

В Яндинской волости в последней трети XIX века зарегистрирован один крупный заимодавец — Дунаев. Были, вероятно, и другие, но нам не известны их фамилии. В 1887 году в Яндинской волости оказалось наличных 1000 рублей из доходов губернского сбора, не внесенных в смету доходов. Волостной сход сделал по этому поводу следующее любопытное постановление (приводим его полностью, со всеми погрешностями): «В нашей местности нет ни извоза, ни других заработков, но многие жители по своей бедности и в критических обстоятельствах, как свой хлеб, так зверопромышленность сбывают не в первые руки, ибо бедствие вынуждает их забирать у зажиточных аферистов вперед, а таковые аферисты берут с них беспощадные проценты; ввиду этого мы решили эту тысячу рублей обратить на устройство при Яндинской волости ссудосберегательной кассы, которая будет благодеянием для бедности²».

А бедность в Яндинской волости, да и в целом в Усть-Удинском уезде была вопиющей. Из-за полнейшей антисанитарии, отсутствия медицинской помощи, вакцинации, то тут, то там вспыхивали очаги эпидемии: оспы, скарлатины, тифа, дизентерии и многих других болезней. И самой уязвимой частью населения оставались, конечно, дети. Вот данные только за 1894 год. В Яндинской волости в тот год родилось 93 человека, умерло — 87, из них 49 детей до 5 лет. А до 85 лет не дожил ни один человек. Вот такая печальная статистика?³

2. Ссылные и их занятия

Каторжная Сибирь... Кому не известна эта расхожая фраза? На протяжении двух веков (XVII и XVIII) бескрайние просторы Сибири заполнялись людьми с

¹«Низы» — так истари называют местность в Усть-Удинском районе в среднем течении р. Ангары.

²Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губернии. Т. 2. Вып. 1-й, М., 1890, стр.62.

³Метрическая книга Яндинской Преображенской церкви за 1894 г. Из фондов Усть-Удинского краеведческого музея, Ф. 1, о. 1, д. 28, стр. 28.

выжженными клеймами на лицах, выдранными ноздрями, отрезанными ушами или отрубленной правой рукой. Это были уголовные, военные и политические преступники, а также вероотступники, бродяги и даже пьяницы. Так, в конце XIX века в Усть-Уде жил на поселении царский повар, который угодил в Сибирь за пьянку⁴.

В 1886 году Восточная Сибирь насчитывала 110 000 человек ссыльных. Не ошибемся, если скажем, что из каждых трех мужчин Иркутской губернии один был ссыльный.

Не меньше их было разбросано по деревням Яндинской волости. В Аталанке много лет на поселении прожил Павел Тарасович Цыбенко; здесь женился, обзавелся семьей. Хотя мы и не имеем под рукой доказательств, но можно смело предположить, что не по своей воле очутились в Аталанке и представители еврейской фамилии — Кугель. Эта фамилия на долгие-долгие годы связала свою судьбу с судьбой деревни, с ее трагическими страницами.

По документам встречаются и другие аталанские поселенцы конца XIX в. Это братья Карл и Петр Вильгельмовичи Грузе (Грубе?), Захар Петрович Безручко, Василий Дмитриевич Дорожкин. Кстати в семье последнего в октябре 1895 г. один за другим умирают дети. И эта беда постучалась не только в его ворота, но и в ворота других аталанцев.

Занимались ссыльные тем же самым трудом, что и другие крестьяне: выращивали хлеб, кормили скот, рыбачили, охотились. Многие из поселенцев владели ремеслами, плели корзины, корчаги, делали печи, плотничали, портняжили, огородничали.

3. Прадед

В метрической книге Яндинской Преображенской церкви, в графе о родившихся на 24 стр., мы находим такую запись: «В семье крестьянина д. Аталанки Якова Федоровича Распутина и его жены Татьяны Мироновны 2 сентября 1894 г. родился сын Никита. Его крестными стали местные крестьяне: Иннокентий Николаевич Шевцов и Евдокия Ивановна Слободчикова». Что нам известно об Якове Федоровиче? В метрической книге Яндинской Преображенской церкви за 1883 г., во 2-й части, о бракосочетавшихся, записано: «Крестьянин Яндинской волости Аталанской деревни Яков Федорович Распутин первым браком в 19 лет женился на Милославской деревни крестьянской вдове Татьяне Мироновне Барсуковой (урожденной Бутаковой), которой исполнился 21 год, и что выходит она замуж во 2-й раз после смерти мужа. Таинство брака освящали священник Василий Титов с псаломщиком Яковом Парниковым. Со стороны жениха поручителями выступали крестьяне Захарий Гаврилович Вологжин и Антон Камкаров. Со стороны невесты — крестьяне Сила Харитонович Аникеев и Василий Миронович Бутаков». Из этой записи следует, что Яков Федорович родился в 1864 году, а жена его в 1862 году, т.е. была старше мужа на 2 года. О ней нам известно немного. Видимо, в Аталанке она дожила до 30-х годов. Звали ее Мироничной. «Сильно пила», — рассказывают о ней родственники.

Установить, когда родился отец Якова Федоровича, нам пока не удалось, но имя и отчество мы его знаем, его звали — Федор Васильевич Распутин. Он выступал поручителем на свадьбе брата, Ивана Васильевича, в 1873 году.

⁴Из воспоминаний М.А. Черновой. Из личного фонда К.И. Чернова Усть-Удинского музея. Ф. 21. о. 1, д. 6. стр. 7.

Кроме Ивана у Федора Васильевича был еще брат Иннокентий. Об Иннокентии нам известно, что он умер в 1894 году в возрасте 62 лет. Об этом сохранилось свидетельство, так называемое общественное удостоверение, из которого следовало: собравшись на сход вместе со своим старостой Слободчиковым, крестьяне Аталанского селения Матвей и Гаврила Несмеяновы; Данила Гамаюнов; Кузьма и Григорий Вологжины; Иннокентий, Филипп, Ананий, Еремей, Данила и Спиридон Слободчиковы; Иван и Яков Распутины написали следующую резолюцию: «Иннокентий Распутин умер в ночь с 3 на 4 апреля в Аносовском селении в то время, когда возвращался из поездки в Яндинское селение домой, в Аталанку. В отношении его смерти сим удостоверяем: от роду ему было 62 года, православный, женат, имеет собственное домовладение в Аталанке. Проживая здесь, Иннокентий Распутин последнее время страдал неизвестной нам болезнью хронической, от которой сильно кашлял с выделением мокроты с кровью. Несмотря на свою болезнь, Распутин сильно пил водку. Все вышеизложенное дает место предположению, что смерть его — естественное следствие его хронического недуга»⁵.

Подытоживая сказанное, можно составить генеалогическую ветвь рода Распутина (по отцовской линии).

Как известно, приангарские деревни, деревушки стояли друг от друга в 5-10 километрах. И, что естественно, жители их роднились. Когда у крестьянина ближайшей к Аталанке д. Криволуцкой Семена Михайловича Вологжина и его жены Ульяны Кузьминичны родилась дочь Александра, принимать ее от купели пригласили аталанца Якова Федоровича Распутина. Так что родственные связи с жителями д. Милославской, д. Криволуцкой, а через них — с населением д. Барановой были давнишними. «Хоть жили деревни гнездами, но из гнезда в гнездо ниточки протягивались и в прежние, и в новые времена», — писал Распутин.

Немного раньше мы говорили о детской смертности.

Не миновала сия кара и семью Распутиных. В 1896, 1897 г.г. в семье Якова Федоровича умирают дети. В графе «от чего умер» записано: «Слаборожденные». В 1899, не успев родиться, отдал богу душу месячный Константин. Причина смерти — родимец (испуг). Если бы семья была малочисленной, то три-четыре смерти совсем бы ее повыбили, а поскольку средняя крестьянская семья насчитывала 10-12 детей, то половина (а иногда и только треть) из них милостью божьей выживала. В то счастливое число попал и Никита Яковлевич Распутин. Но немного отвлечемся от дел аталанских и перенесемся в соседнюю (в 2 км) деревню Криволуцкую.

⁵Метрическая книга Явлинской Преображенской церкви за 1894 г. Ч. 3 из фондов Усть-Удинского краеведческого музея (в дальнейшем УУКМ), ф. 1, о. 1, д. 31, стр. 65.

4. Криволуцкие родственники

В метрической книге Яндинской Преображенской церкви за 1890 год, во второй части, о бракосочетавшихся, мы находим такую запись: «Яндинской волости Криволуцкой деревни уволенный в запас из Александровской (на о. Сахалине) местной команды рядовой Герасим Захарович Вологжин первым браком в возрасте 28 лет женился на той же волости, той же деревни крестьянской дочери, девице Марии Семеновне Вологжиной 29 лет. Поручителями по жениху стали крестьяне Криволуцкой деревни Никита Семенович и Иннокентий Иванович Вологжины; по невесте — крестьяне Барановской деревни Тимофей Петрович Фалеев и Матвей Захарович Вологжин⁶».

Таким образом, становятся известными даты рождения отца и матери Марии Герасимовны: он — 1862 г. р., она — 1868 г. р. К сожалению мы не нашли метрической книги за 1891-1892 годы, где в первой части, о родившихся, могли бы обнаружить запись о рождении Марии Герасимовны Вологжиной. Зато знаем, что двумя годами позже после рождения Марии (по некоторым сведениям, она родилась в Иркутске) умер ее двухмесячный братишка Иннокентий (от оспы). И эта беда тогда постучалась не только в их дом. В 1899 году у Марии родился брат Егор. На его роду было написано прожить долгую жизнь, оставить наследников и умереть на родине в преклонном возрасте. Помнит Аталанка и других братьев Марии Герасимовны: Василий Герасимович долгое время работал председателем сельсовета; Егор и Василий, бывая у своей сестры и видя, с каким интересом читает книги их внук, Валентин, говорили ему: «Валька, учись!» Известен еще один брат Марии — Галастифон Герасимович. Тоже, как и сестра, он говорил прибаутками и слыл отчаянным матершинником. На водовозке работал в Аталанке в 60-х годах. Умер примерно в середине 90-х годов в Аталанке, там же похоронен.

Мы уже говорили о том, что жители соседних деревень Аталанки и Криволуцкой роднились, ездили друг к другу в гости. Можно предположить, что Никита и Мария знали друг друга с детских лет. Нельзя сбрасывать со счетов и довольно часто практикуемый в то время сговор между родителями будущих жениха и невесты. Но, не имея под рукой доказательств, не станем на этом настаивать. И свидетелей той поры давно уже нет на белом свете. Ясно одно: поженились они в молодом возрасте, когда Никите Яковлевичу исполнилось 17-18 лет, а Марии Герасимовне — 19-20 лет. Примерно в 1911-12 г.г. родилась у них девочка. Назвали Александрой. Забегая вперед, скажем, что вышла она замуж за Милославского парня Алексея Ивановича Анциферова и уехала с мужем в его родную деревню, и жила там до самого затопления. После затопления они переехали в д. Ключи. Алексей Иванович воевал на фронтах Великой Отечественной; вернувшись с войны, работал счетоводом, бухгалтером в колхозе. «Семья у них большая, — вспоминает Валентина Назаровна Дунаева, — семь или восемь детей, правда, жизнь у некоторых трагически оборвалась». Известно, что в Братске живет сын Александры Никитичны.

Первенца мальчика, который родился у Распутина 25 января 1913 года, назвали Григорием.

⁶Метрическая книга Яндинской Преображенской церкви за 1890 год. Ч. 2 о бракосочетавшихся. Из фондов УУКМ, ф. 1, о. 1, д. 35. стр. 26.

5. «Помеш...шик»

В отличие от своих безграмотных родителей, Никита имел немалое по тем временам образование: три класса церковно-приходской школы. В сохранившихся до нашей поры документах стоит его роспись, и довольно затейливая. По описанию людей, знавших его, перед нами предстает человек небольшого роста, плотный; в лице просматривается тунгусковатость, как напишет позднее Распутин. По характеру это был добрый человек, любивший природу, живность, охоту, рыбалку. Вспоминает Валентина Назаровна Дунаева (п. Усть-Уда, запись от 26.12.1996 г.): «Как сейчас его вижу: вечно у него котомка за спиной, ичиги на ногах, ружьишко за плечом — идет на охоту. Или другая сцена: плывет лодка. В ней крепкий еще дед, а рядом внук Валентин, поехали с сетушкой или корчагой, или удой на рыбалку».

Пока дед с внуком удили рыбу, дома управлялась с хозяйством Мария Герасимовна: кормила скотину, готовила ужин, полола грядки. Была она высокая, темно-волосая, «с чисто русским ликовым лицом, глядящим издалека, точно помнящим века». Частенько садилась отдыхать к самовару. Любила она плиточный чай с кусковым сахаром и часто вспоминала старое время и китайский чай, который везли прежде через Кяхту в Сибирь. Хоть и безграмотная, рассуждала всегда здраво и мудро. Когда трудно стало с чаем, она никак не могла мириться с таким положением вещей: «Это че ж такое деется? Это пошто Кяхта-то простаивает?»⁷ Любила она острое слово, точную характеристику. В 30-х годах ее муж работал в райпотребсоюзе, заготовителем живсырья. Принимал от населения не только шкуры, кожу, шерсть, но и пушнину, а рассчитывался за сырье продуктами и товарами, которые хранил в амбаре, а ключи держал при себе. «Ишь, какой сыскался помеш...шик», — как-то вырвалось у его жены. С того времени и прилипло к нему прозвище. И его подхватили, как это бывает в деревнях, все односельчане.

Слишком уж метко сказано, не в бровь, а в глаз, лучше не придумаешь.

Приезжает в деревню, к примеру, уполномоченный какой, ревизор или инструктор, останавливается у Никиты Яковлевича, столуется, ночует. «Со всем начальством знается, со всеми важными людьми — друг. Кто же он? Помет... шик и есть», — судачит завалинка, на язык которой только попадись! Но знают в деревне и другое, случись беда, Никита первый придет на помощь. Да кто еще грамотнее составит какой-нибудь документ или письмо! А кто сравнится с ним на рыбалке? Однажды по деревне такого тайменя пронес, что хвост рыбины по земле волочился. Да и на охоте не новичок.

6. Люди старой Аталанки

Работая над родословной, мы встречались со многими староаталанцами и убедились, что самый увлекательный роман — это сама жизнь. Не ожидали мы в одной деревне найти такую закрученность сюжетов, такое многоцветие характеров, поворотов, тем. Клондайк для писателя. И в этом Клондайке рос Валентин Григорьевич Распутин.

Где-то в двадцатых годах теперь уже прошлого века в Аталанке появился человек, который представился учителем. Но от деревушки ничего не скроешь. Посте-

⁷В. Распутин. Том 3 «Сибирь, Сибирь». М., 1994 г., стр. 187.

пенно узнали о нем всю подноготную: оказывается пришлый Сомылин в царские времена служил офицером. После революции стал учителем, проехал много городов и сел, пока не оказался в Аталанке. Здесь только-только открыли начальную школу, и его, Сомылина, назначили учителем. И вот тут-то он развернул кипучую деятельность: ввел военное дело, организовал хор, где ребята стали разучивать русские хороводные песни, завел пришкольный участок, на котором с детьми стал выращивать картошку, капусту и другие овощи, что предназначалось для бедных учеников в общежитии. И не только. Частенько он организовывал обеды для всей школы. В общем, создал маленькую школьную коммуну, где поутру ребятня занималась физзарядкой, а во время занятий, кроме математики и литературы, обучались плотницкому делу, да так, что своими руками мастерили столы, скамейки, красили черной краской доски, на которых писали тоненькими грифелями, стирая написанное тряпочками. На 10 человек приходился один учебник, поэтому один читал, а другие слушали, запоминали. Так и учились.

Об этом рассказал ветеран войны Михаил Николаевич Ведерников, живущий ныне в Братске. Он же поведал еще об одном интересном человеке.

Дед Егор не любил цыган. Однажды он лежал на печи, когда в дом зашли цыгане. Он стал выгонять их, тогда один цыган нагадал Егору смерть от медведя. Дед не поверил.

Как-то Егор поехал в лес за дровами, и его немного задело упавшей сушиной. Отлежался на печи, поправился. Решил как-то съездить посмотреть город. «Умру скоро, а город не видел».

В одном иркутском универмаге какой-то выдумщик придумал изобретение: дверь закрывалась пружиной, заделанной в чучело медведя, так, что создавалось впечатление, что медведь открывает и закрывает дверь. И вот Егор потянул дверь на себя и увидел медведя, который как будто шел на него, оскалив пасть, а навстречу лапа так и тянулась и тянулась... Дед умер тут же от разрыва сердца. Кстати, чучело было изготовлено из медведя, добытого сыном Егора — Максимом Егоровичем Слободчиковым.

Весь язык деревня в свое время промозолила, обсуждая заграничные амурные похождения бравого солдата Воротилы (Вологжина Василия Семеновича). Он в Первую мировую войну воевал, а в плен попал во Францию. Служил у богатой барышни. Примерно в 1917-18 годах вернулся в Аталанку. В последнее время работал сторожем в школе. Силушки он был необыкновенной: по 4 мешка зерна таскал — такой он богатырь! Однажды мост чуть не рухнул, так он его держал, пока сельчане подпорки не подставили. Вот за эту силу его и прозвали «Воротила». Все бы ничего. Да барыня из Франции отыскала-таки адрес своего работника, прислала письмо и деньги. Правда, денег он так и не получил. Зато прославился на всю деревню. Идет, бывало, по улице, а с завалинки щурится какой-нибудь хитрый глаз: «Чем это ты, ешкин кот, барышню францускую зацепил, а, Василий, каким крюком?»

7. Запоздалая медаль

В подшивках старых усть-удинских газет за послевоенные года мы нашли строчку, что Марии Герасимовне Распутиной одной из первых в Аталанке была присуждена медаль «Мать-героиня». Запоздалая, правда, медаль, потому что дети

к тому времени выросли и вылетели, как голуби, из родного гнездышка. Но и на том спасибо. Что помнят, что не забыли. Хорошо бы еще ввели медаль «Жена-героиня». Ею обязательно бы наградили Марию Герасимовну. А за что? За терпение.

«И дед, и бабушка, — писал Распутин, — были людьми сильных характеров, долго друг к другу притиравшихся, нарожавшие кучу детей, но так, в конце концов, не притершиеся». Оба они стали прообразами рассказа «Василий и Василиса», а Мария Герасимовна стала прототипом старухи Анны в повести «Последний срок». Эта фраза в повести «Последний срок»: «Под матицей по-прежнему болталось кольцо для зыбки, а зыбка раньше никогда не пустовала: вырос из нее один, ложился другой», — характеризует дом и семью Никиты Яковлевича и Марии Герасимовны как нельзя лучше. По документам ЗАГСа нам удалось установить, что детей в этой семье было 11. Двоих старших мы уже назвали, Александру и Григория; позднее родились: Кристина, Клавдия, Виктор, Марийка, Татьяна, Афанасий, Леонид, Георгий, Людмила. Младшенькая, родившаяся 28 июля 1936 года, прожила на свете всего лишь 10 месяцев. Когда у Марии Герасимовны родился первенец, ей было 19-20 лет, а когда появилась на свет младшенькая, ей исполнилось 45 лет.

В 1936 году Никита Яковлевич с семьей живет в пятистенном доме с усадьбой, в усадьбе — два амбара и сарай. Из хозяйства держали бычка, корову; садили картошку. В это время с ним проживала жена Мария Герасимовна, дочь Клавдия, сын Виктор, сын Леонид и дочь Татьяна⁸. Отошли, жили своими семьями Александра, Григорий, Кристина.

8. Незабываемые тридцатые

Что происходило в Аталанке в 1936 году? Как и везде люди рождались, умирали, женились, строили планы на будущее, верили в лучшее завтра. В Аталанском сельсовете проходят пленумы, на которых решаются вопросы по организации стахановских декад, соцсоревнования по добыче пушнины, рыбы, кож и другого сырья. По этому вопросу заслушивают уполномоченного по заготовкам товарища Распутина Н.Я. На этом же пленуме решается торжественно отметить годовщину сталинского устава сельхозартели, для чего необходимо наладить хороший уход за конем, организовать соцсоревнования по культурной перестройке деревни (по постройке полусадиков, отведению дома для отделения почты, насаждению деревьев). Постановили также отправить своих ребят — школьников на экскурсию «Иркутск — Байкал». Поднимались вопросы и о ликвидации безграмотности в селе. Постановили: ввести в секцию по ликбезу товарищей: Гладких П.П., Фалеева В., Распутина Г.Н., Воложжина В.П. Решили строить новую школу — семилетку. В 1938 году, когда уже стоял красивый новенький сруб, свалилась на деревню, как снег на голову, беда. Стали арестовывать ни в чем не повинных людей.

И каких людей!

Как забирали председателя сельсовета Ивана Егоровича Слободчикова, аталанцы помнят до сих пор: подъехала закрытая машина, в кабинет председателя прошли трое, дверь закрылась. О чем-то недолго говорили. Затем Иван Егорович вышел из кабинета в сопровождении сотрудников НКВД и сказал уборщице: «Прощай, Клава! Берут, не знаю за что!». Затем состоялся обыск: изъяли два гладкоствольных ружья, карабин. Когда его уводили, Иван Егорович запел песню.

⁸Похозяйственная книга Аталанского сельсовета за 1936 г.

В этот же год в Аталанке взяли и других мужиков: конюха Белоножку⁹, кузнеца Пинигина Якова, мужа Дарьи¹⁰, арестован был Николай Григорьевич Ведерников, главбух Усть-Удинского леспромхоза, первый учитель Аталанки — А.С. Сомылин, Егор Николаевич Распутин — единственный, кому удалось вернуться из мест заключения. Остальных поглотил ГУЛАГ. Рассказывает дочь репрессированного Полина Николаевна Распутина (в девичестве Ведерникова): «Клеймо «враги народа», «троцкисты» легло на меня и моих родственников. Почти сразу же после ареста нашу семью выгнали из дома и поселили в старенькой избе, в сенях».

Сомов Василий, дед Богодул, которые появились в Аталанке в годы войны, жили в деревне на поселении, как-то сказали матери: «Ты, Аннушка, не переживай, их все равно оправдают». Так впоследствии и получилось¹¹.

9. Эх, судьба-судьбинушка

Как уже говорилось выше, Григорий Никитич родился 25 января 1913 года в Аталанке. Нельзя сказать, что семья Распутиных в ту пору жила совсем бедно. Сохранилось свидетельство о том, что они нанимали няньку для маленького Гриши. Это была Раиса Николаевна Замарацкая из д. Черепанова. Учился Григорий, вероятнее всего, в д. Криволуцкой, в школе МНП (министерство народного просвещения), потому что в Аталанке школу открыли позднее, в 20-х — начале 30-х годов.

С ранних лет Григорий помогал родителям, как и большинство крестьянских детей, любил природу, Ангару, лес. Может быть, поэтому на первых порах выбрал профессию лесника: поступил на работу в Усть-Удинское лесничество. С 1930 года живет в старой Усть-Уде, часто бывает в других селах и деревнях по служебным делам: то пожары тушить надо, то порубщиков леса караулить.

Во время одной из таких поездок в д. Якимовой познакомился с девушкой. Звали ее Ниной Черновой. Была Нина русоволосой, большеглазой, чуть выше среднего роста. «Была она красивой женщиной, — вспоминает Е.М. Гамаюнова (д. Подволочная, запись от 06.02.2002 г.) — лицо у нее было овальное, небольшой остренький носик, голубые глаза. Ходила она зачастую в платочке или косыночке и всегда одевала передник. Любила больше слушать, чем говорить». Когда стал за ней ухаживать, узнал, что в голодные 30-е годы ушла она с верховьев Ангары (из Бильчира) в д. Семеново к родственникам.

Тут необходимо сделать отступление и перенестись в век XIX, в его 60-е годы. Сын польского помещика, дворянин Андрей Генрихович Гилевич, будучи студентом, участвовал в варшавском восстании против монархии. Был арестован, осужден и препровожден на поселение в Иркутскую губернию в Усть-Удинскую волость в деревню Семеново (Якимово). Так получилось, что жену свою он купил за деньги. Он часто ездил в Усть-Уду к своим соотечественникам — полякам. Бывая там, он заходил с друзьями, а иногда — один в кабаке выпить чарку вина. В кабаке он несколько раз наблюдал одну и ту же сцену: пьяницы-родители заставляли свою дочку, красивую 14-летнюю девочку, танцевать перед публикой. Если девочка мешкала, отец-полуцыган избивал ее. Пан Гилевич предложил родителям девочки продать ее ему. Те согласились. Уплатив родителям 200 руб., да еще дав 20 руб. кабатчику, пан Гилевич увез ее к себе в деревню, дал ей образование, а

⁹Белоножкин Яким Петрович. 1884 г. р., из батраков, сторож Усть-Удинского ЛПХ, семья 5 чел.

¹⁰Пинигин Яков Ильич. 1895 г. р. из середняков, кузнец Усть-Удинского ЛПХ, семья 5 чел.

¹¹Из воспоминаний П.Н. Распутиной. Из фондов УУКМ, ф. 21, о. 1, д. 10, стр. 4.

когда она подросла, женился на ней. Пошли дети: Василий, Юлия, Мария, Федор, две Анны. Возможно, их было больше. Мария считалась средненькой и очень уж своеобразной: ходила на рыбалку и охоту, управляла лодкой; с ней постоянно случались какие-нибудь казусы, приключения.

Поэтому родители в душе свободно вздохнули, когда почтальон Иван Ильич Чернов предложил их дочери руку и сердце. Они благословили молодых на брак, и Иван Чернов увез молодую жену из родного гнездышка. Нам неизвестно, когда именно они поменяли место жительства на Бильчир, а Иван Ильич поменял должность почтальона на урядника. Как известно, представителей таких профессий после революции не очень-то жаловали. Поэтому семью настигли, как говорится, все 33 несчастья: бедность, лишения, голод, безработица и т. д. Вот и пришлось младшенькой, Нине Ивановне, искать счастья на чужой сторонushке. Но худа без добра не бывает. Здесь, в Якимово, ей суждено было повстречаться с суженым.

24 февраля 1933 года Нина Ивановна и Григорий Никитич вступили в законный брак. По данным той поры Григорию тогда исполнилось 21 год, а Нине — 22 года. Он считался служащим, она — рабочая. Жили вместе с 1932 года в старой Усть-Уде. Когда родился первенец, назвали его Валентином. Но этот мальчик вскоре умер. В 1935 году у них родилась дочь Тамара. Григорий Никитич в то время работал экспедитором в райпотребсоюзе. Мы не знаем, что стало с Тамарой: скорее всего она умерла. 15 марта 1937 года в их семье родился сын, которого снова, как и первенца, назвали Валентином. В это время Григорию Никитичу исполнилось 24 года, а Нине Ивановне — 25. Он работал чернорабочим в заготзерно, она — домохозяйка.

И отделение, и стационар, и поликлиника находились тогда в одном помещении, в одном бревенчатом здании, только разгороженном перегородками. Стояла больница в центре Усть-Уды, по улице Комсомольской. Сохранился ее облик на старых фотографиях, которые есть в фондах нашего музея. В конце мая, когда цвела черемуха, здание просто утопало в зеленовато-белых кружевах. Перед затоплением это здание перевезли в новую Усть-Уду, на новую улицу Комсомольскую. Первое время в ней размещался детский сад, а затем — Дом пионеров, который ныне переименован в Дом детского творчества. В том далеком 1937 году стены этого здания впервые услышали голос будущего писателя.

С тревогой и надеждой ждали молодые родители появления этого ребенка, молили судьбу ниспослать ему долгую и счастливую жизнь. Богу угодно было взять на небо ангельские души двоих первых детей... Все хорошее рождается в муках... Сколько бессонных ночей, сколько слез пролито по тем двум безвозвратно погасшим звездочкам?! Но, как говорится, Бог дал — Бог взял: судьбе угодно было, чтобы после четырех лет совместной жизни они оставались бездетными... Теперь они хотели одного: чтобы ребенок жил, радовался жизни. Может быть поэтому, словно бросая вызов судьбе, они снова называют сына Валентином.

Скорее всего, из-за неустроенности с жильем, из-за отсутствия здесь родни или по другим причинам семья Распутиных в 1938 году решила вернуться в Аталанку.

В Аталанке в то время действовали: сельхозартель «Дружные ребята», Аталанский лесозаготовительный пункт, отделение связи, медпункт, сельмаг, изба-читальня и клуб. Снова они оказались в окружении родственников, вокруг кровати, где лежал Валентин, бегали и играли дядьки и тетка: Татьяна, Леонид, Виктор. Баба Маша не могла налюбоваться на внука. Дед Егор и тот норовит подсунуть в неокрепшие ручонки внука игрушку из дерева, сделанную своими руками.

Не сразу, но Григорий Никитич устроился работать сопровождающим почту при Аталанском отделении связи с окладом в 150 рублей в месяц¹². Вскоре туда же зачисляется его жена, как сказано в книге приказов, на должность писмоносца с месячным окладом 120 рублей. Правда, Нина Ивановна не сразу устроилась на работу, а только после рождения дочери. Появилась она на свет 18 мая 1939 года. Ей дали имя Ангина, которое впоследствии исправили на Ангелину. Не знаем пока, кто больше проводил с ней время, но, судя по всему, нянчилась, возилась с ней, играла Таньчора (Татьяна Никитична). Да и другие тетки обожали свою племянницу.

Но вернемся к тому дню, когда Нина Ивановна устроилась почтальоном. Возглавлял тогда Аталанскую почту Константин Константинович Бутаков, который не мог нарадоваться новым работникам. Не зря, когда подводили итоги взятых соцобязательств, весь коллектив отделения был отмечен как один из лучших, начальника премировали 200 рублями, а Распутину Г.Н. за хорошие производственные показатели в работе объявили благодарность от лица службы. Этот приказ объявили по всем отделениям района. Вот почему, когда Бутаков уходил в отпуск, то за себя оставил Григория Никитича. О жестокой дисциплине того времени, о строгом выполнении распорядка свидетельствует такой факт: оставшись за начальника, Григорий Никитич на один день отлучился из отделения связи в д. Баранова. Это явилось предметом разбирательства, и на свет появился приказ № 90 по Усть-Удинской конторе связи от 14 октября 1940 года; в нем есть такие строки: «26 сентября Г.Н. Распутин в отделении не работал, поручив выполнение своих обязанностей контролеру сберкассы. Согласно указа Президиума Верховного Совета от 26 июня 1940 года, т. Распутин сделал прогул, который должен быть рассмотрен в судебном порядке. Дело Распутина Г.Н. передать в суд для привлечения в судебном порядке. Предупреждаю всех работников конторы связи, что при подмене себя другим работником в служебное время без моего разрешения буду рассматривать как прогул и передавать в суд для привлечения к ответственности». Что уж тут говорить, суровые были времена, строгие приказы, жестокие нравы.

10. Война

Запоздала в деревню весть о войне.

Как-то на почте получили газету «Правда», а в ней прочитали объявление, что началась война, и увидели на плакате Гитлера, рвущего акт о ненападении.

Как раз люди с пахоты приехали, а Герка Слободчиков бежит с газетой и кричит: «Война!». Радостно так, возбужденно. Что поделаешь: малец.

В списке первых, кто был призван на фронт, значился Григорий Никитич Распутин. На военные сборы он выбыл 19 июля 1941 года. Вслед за Григорием ушли десятка два его односельчан, а также родственники: сестра Клавдия Никитична, зятевья Анциферов Алексей Иванович, Спириин Алексей Терентьевич, брат Распутин Виктор Никитич. Двум последним, как и десятку аталанцев, не суждено было вернуться домой. Все они погибли на фронтах Великой Отечественной. Виктор убит в 1942 году под Сталинградом, Алексей умер от ран в 1944 под Витебском. На трудовой фронт призывался Никита Яковлевич. Война так и не помирила их с Марьей Герасимовной, не разрушила «китайскую стену» в их взаимоотношениях. «Вернулся свекор из армии, — рассказывает Полина Николаевна Распутина

¹²Из книги приказов по Усть-Удинской конторе связи от 23 сентября 1939 г., стр. 54.

(Братск, запись от 04.03.2002 г.), — дети плохо приняли. Уехал он на Ленские прииски. Привез одних вшей».

В 1944 году, получив похоронку на мужа, вернулась в родительский дом из Свирска Кристина Никитична со своими малыши детками. Мария Герасимовна отдала ей большую часть дома, а в маленькой поселилась сама с Татьяной и Леонидом. «Всегда считалось у нас, что дядя Леня — последний в семье, мы с ним были как друзья, и дядей я его никогда не называл», — вспоминал в одном из писем в наш музей В.Г. Распутин¹³.

Непростая судьба у Леонида Никитича. Как и многие его сверстники, в годы войны работал наравне со взрослыми на лесозаготовках. «Мужиков тогда не хватало, они воевали на фронтах, но планы лесозаготовок никто не отменял. Вот и собирали старых и малых. Я в бригаде валила лес, а Леонид был возчиком, перевозил древесину на лошадях», — рассказывает П.Н. Распутина, которая в 1947 году вышла замуж за Леонида.

Кристина Никитична тоже не блины пекла на лесозаготовках, валила лес, рубила сучки. Нина Ивановна продолжала работать на почте. А так как только одна Мария Герасимовна из всей родни трудилась в колхозе, то и покос давали ей одной. Вот и приходилось держать одну коровенку. А что значит иметь одну буренушку на огромную — 12 человек — семью? На стакан чая — две ложечки молока. Очень даже не густо.

Вздохнули с облегчением колхозники, когда с Новой Уды вернулся в родную Аталанку Егор Афанасьевич Слободчиков¹⁴ с семьей. Единогласно его выбрал народ в председатели колхоза «Память Чапаева». Знали его — хозяин. Начинал еще во времена коммун, был первым председателем коммуны имени Калинина в д. Усть-Муя, долгое время работал в Новой Уде. Умел подойти к человеку: и к малому, и к старому; поднять настроение, знал проблемы каждой семьи и, чем мог, помогал. Во имя Победы работали, во имя Победы отдавали сбережения, ценные вещи. Егор Афанасьевич вложил в фонд обороны 5 тысяч своих личных сбережений, отдал шубу. Это считалось, наверное, самым крупным вложением в Аталанке. Но самый главный вклад его, как организатора сельскохозяйственного производства, был в четком выполнении планов хлебосдачи, в высоких урожаях молока, в ощутимых привесах молодняка крупного рогатого скота. Возглавляемый им колхоз в годы войны, как правило, первым в районе выполнял план хлебосдачи, имел хорошие показатели по животноводству, по заготовке пушнины, по рыбосдаче, по другим показателям. А когда колхоз-передовик получал премии в виде промышленных товаров, прежде всего, настаивал на том, чтобы давали их тем, кому весьма трудно, у кого много детишек, а глава семьи погиб на фронте. Вот за эту справедливость его уважали, а еще за изобретательный ум. Он вместе с кузнецом Слободчиковым Максимом Егоровичем приспособил двигатель водяной мельницы для молотбы и сортировки зерна. Высвободил людей и лошадей, облегчил труд, увеличил выработку. На это изобретение сначала косо посматривал 60-летний машинист молотилки Николай Иннокентьевич Вологжин (он всю войну в стахановцах проходил), но потом и он согласился: дельная штука. Чем не хозяин?

¹³Письмо В.Г. Распутина в Усть-Уду. Из фондов краеведческого музея. Ф. 21, о. 1. д. 1, стр. 2.

¹⁴Егор Афанасьевич Слободчиков (1891-1971), участник Первой мировой, Гражданской войн, коммунист, руководил коммуной имени Калинина в Усть-Муе, много лет аталанские колхозники выбирали его своим председателем. Умер 15 января 1971 г. в Аталанке.

В октябре 1945 года аталанский колхоз полностью рассчитался с государством по хлебозаготовкам, сдав сверх плана 80 пудов хлеба.

Одна из героинь рассказа «Улита» говорит: «Мы при нем работали. Так, скажу тебе, Марья, работали, как я больше и сама не рабатывала и не видела, чтоб работали». Это сказано про таких председателей, как Егор Афанасьевич Слободчиков (аталанский колхоз «Память Чапаева»), Адриан Данилович Пинигин (криволуцкий колхоз «Память Кирова»). 7 октября 1945 года Григорий Никитич вернулся домой, как вспоминал его сын, «в орденах и медалях». О его фронтовой жизни известно немного, а вернее, почти ничего. В Аталанке нам рассказывали, что он попадал в тыл к немцам, что ночевать приходилось в разных местах, даже на кладбище, и что вышел из окружения он вместе со своим ротным. Никаких документов не удалось нам обнаружить в райвоенкомате.

Кое-что удалось узнать из уст людей. Рассказывают, что воевал он на финском фронте. Служил вместе с Петром Федоровичем Бердниковым, Михаилом Захаровичем Тирских, Николаем Федоровичем Анциферовым. Иногда, хотя и редко, они встречались, выпивали, разговаривали, пели песни.

11. Крутой поворот

В ноябре 1945 года Григорий Никитич поступил на работу в Аталанское отделение связи. В приказе записано: «Принят в штат конторы связи начальником Аталанского почтового отделения с зарплатой 300 рублей в месяц». Побыв некоторое время учеником, становится начальником отделения связи. Аталанское отделение связи считалось одним из самых крупных в районе, ибо обслуживало деревни не только на Ангаре, но и на Илеме. Путь туда был неблизкий: в один день не обернешься. Но, несмотря на все сложности, коллектив почтовиков во главе с Григорием Никитичем успешно выполнял возложенные на него обязанности и всегда значился в числе передовых, получая крупные денежные премии. Нина Ивановна в то время работала контролером на почте. Жили семьей в одном и том же здании, где находилась почта, занимали половину дома. Казалось бы, живи да радуйся. Муж вернулся с войны живой и невредимый, а ведь столько вокруг горя и несчастий!

7 октября 1946 года у Нины Ивановны родился сын Геннадий. Все бы хорошо, да вот беда: стал муж попивать. По праздникам, без праздников. Это увлечение и сыграло с ним злую шутку.

В сентябре 1947 года при производстве документальной ревизии Аталанского отделения связи установлена растрата переводной суммы 20737 рублей 23 копейки. В своем объяснении Г.Н. Распутин указывает, что при поездке на пароходе с оплатой переводов по Распутинскому сельсовету у него деньги похитили. Но есть и другие свидетельства. «Помню, — рассказывает свидетельница тех лет, жительница д. Аталанка, Лукерья Макаровна Пинигина, — заходит Григорий Никитич в ограду. Бледный. Говорит: «Я ночевал у озера. Деньги лежали в полевой сумке. Выпили по стопке с другом — кардинцем. Там еще были кардинцы. У друга фляжка была. Опорожнили ее, я и заснул. А проснулся, денег нет. Мое дело пропащее...»

Может быть, Григорием Никитичем руководило желание взять вину на себя, не впутывая никого, тем более кардинских друзей? Трудно сказать.

О событиях, связанных с растратой, можно прочитать в повести Распутина «Деньги для Марии». Попытки собрать и возместить украденную сумму навер-

няка были и в жизни, но они не увенчались успехом. Может быть, детская мечта Валентина о мирской помощи отцу воплотилась в повести «Деньги для Марии», хотя назывались множество случаев, реальных людей, кто допустил растрату в магазинах в Аталанке и других деревнях.

Все более и более темные тучи сгущались над головой Григория Никитича. Приказ начальника конторы связи был суров, как само время: «...за растрату денежных средств с работы снять и отдать под суд». Но для того, чтобы коммуниста Распутина отдать под суд, его надо было сначала исключить из партии. Вопрос об исключении рассматривался на бюро РК ВКП (б).

Среди членов бюро райкома партии в то время были: начальник милиции Коналов, секретарь райкома Мутовин, работник РК ВКП (б) Массальский и другие. Когда рассматривался его вопрос, Григорий Никитич все больше отмалчивался, мало что сказал в свое оправдание. На первых порах возобладало мнение Мутовина, которого поддержало большинство членов бюро: не исключать Распутина из коммунистов. Но вскоре Мутовина отозвали по делам в Москву, и в период его отсутствия бюро опять собрали. И на нем выступили Трубоенко и прокурор. Их аргументы, а также некоторых других членов бюро, перевесили чашу весов не в пользу Григория Никитича. Его исключили из партии, и уже ничто не могло его спасти от судебного разбирательства и приговора.

Как вспоминает сам Валентин Григорьевич: «...в те времена в расправе не мелочились. После 4 лет фронта, всего только 2 года и пробыв дома, он на 7 лет загремел в Магаданские рудники и вышел по амнистии только после смерти Сталина, совсем «доходягой». И, вероятнее всего, не вернулся бы вовсе, если бы не фантастическое стечение обстоятельств: в тот же лагерь попал взятый в армию, в конвойные отряды, его младший брат, мой дядя. Пока разобрались, что они братья, прошло более полугода, в которые отец успел подкормиться»¹⁵.

Видимо, речь идет о Леониде Никитиче Распутине, о котором мы уже немного рассказывали в той главе, где говорилось о подростках — тружениках тыла во время войны. В 1947 году ему уже исполнилось 18, он успел даже жениться на Полине, до того, как его призвали в армию. И, сами того не подозревая, братья ехали в одном направлении, на Магадан, только один служить в охране лагеря, другой — отбывать срок в этом самом лагере.

12. Бабья доля

В начале 50-х годов Нина Ивановна с детьми переехала в Замараевку к свекру Никите Яковлевичу, который годом — двумя появился здесь раньше. Живя в Аталанке, он окончательно разошелся со своей женой. Перешел жить в амбар. Туда же однажды привел новую жену — хроменькую бабу Шуру (Александру Ивановну Семенову). Что интересно, эта баба Шура ходила со своим дедом по деревням, подрабатывала шитьем, батрачеством. Как-то они с дедом пошли из Аталанки, но подрались, и женщина вернулась в деревню. С весны до осени новобрачные жили в амбаре. Из амбара молодая пара (при этом на слове «молодая» делалось язвительное ударение) переехала в Замараевку. Землянку сделали, в ней стали жить.

Замараевка как населенный пункт не так уж давно появилась на географической карте. Находилась она напротив д. Филипповой в устье речки Замараихи. Еще в 30-х годах здесь находился канифольный завод.

¹⁵Валентин Распутин. Откуда есть — пошли мои книги. М., Братск, 1997, с. 3.

В Замараевку же вскоре перебралась Татьяна Никитична со своей семьей. Муж ее Исаак Яковлевич Пинигин стал работать в леспромхозе.

Нину Ивановну приняли банщицей. Баня в Замараевке стояла на крутом яру, на обрывистом берегу. По крутой тропке Нина Ивановна носила воду на коромысле для казенной бани.

«Что ни говори, а какой-то заработок здесь был, — вспоминает дочь Альбина Григорьевна Мавроди (поселок Вихоревка, запись от 01.03.2002 г.), — хотя доставались эти деньги адским трудом. Столько наша мама перетаскала воды на коромысле, что согнуло ее под старость, стала она горбатой». И не только казенная баня ее согнула, а вся ее тяжелая бабья доля. В самые трудные годы жизни она по сути дела оставалась одна наедине со своими детьми и заботами. И так продолжалось долгих 11 лет.

Когда, наконец, Григорий Никитич вернулся из заключения, старшему, Валентину, шел уже семнадцатый год, Альбине (Аге) — пятнадцатый (она уже успела побывать нянькой в семье Коробейниковых), Геннадию — седьмой.

Казалось бы, к бывшему заключенному должны относиться с недоверием, но в данном случае было все по-другому: его без лишних слов приняли десятником в Замараевский лесозаготовительный пункт Аталанского леспромхоза ВСУРП (Восточно-Сибирское речное пароходство). В то время в этой организации работала бухгалтером Валентина Назаровна Дунаева. Она рассказывает: «Григорий Никитич серьезно относился к своим обязанностям; работал по-молодецки: своевременно составлял и утверждал наряды, всю документацию содержал в порядке. Перед затоплением жители Замараевки переселялись на новые места. Мы с Григорием Никитичем строились в новой Аталанке одновременно и жили неподалеку друг от друга».

В то время, 11 ноября 1959 года, от кровоизлияния в мозг умер Никита Яковлевич в возрасте 65 лет, о чем заявила та самая хроменькая баба Шура. Позднее его прах был перенесен из зоны затопления на аталанское кладбище.

13. Посылка от М. Горького

Перед тем, как начать повествование о детстве Валентина Распутина, оглянемся назад, на век XIX — начало XX и зададимся вопросом: «существовали ли культурные, библиофильные связи центра России с Усть-Удой?». Да, существовали.

В 70-х годах XIX века в Усть-Уде проживал с женой ссыльный петрашевец Окулов. К нему из Иркутска приезжал ссыльный польский повстанец Войнич — муж автора «Овода». Правда, тогда он был еще холостяком. Именно от Окулова Войнич получил адрес знакомой ему англичанки Этель Лилян, которая впоследствии стала его женой.

В Усть-Уде работал отец Нита Степановича Романова. Здесь же в волостное правление поступил на службу сам Нит Степанович. 1898 годом датируются его первые литературные пробы: дневниковые записи, где он рассказывает о первых впечатлениях, об Усть-Уде, о местном купечестве, о его ярком представителе — Егоре Сосипатриевиче Очередине и о многом другом. Впоследствии Нит Степанович вошел в историю как летописец г. Иркутска, ученый, историк и библиотекарь.

Как известно, в Усть-Уде начала XX века не было еще публичной библиотеки, но попытки создать ее были. Вот как описывается в газете «Восточное обозрение»

в № 17 за 1906 г. это усилие: «Год с небольшим тому назад по инициативе некоего М. у нас был проектирован вопрос об открытии в Усть-Уде библиотеки — читальни. У нас несколько лет существует одноклассная министерская школа, есть грамотеи, порядочный кружок интеллигенции, а достать желающим почитать книги негде. Средств для открытия библиотеки — читальни не было. Для изыскания их М. обратился с письмом к известному писателю М. Горькому, прося его помочь нашему горю. М. Горький, как и следовало ожидать, не замедлил с ответом, и через какой-нибудь месяц М. получил от него рублей на 70, если не более, книг издания товарищества «Знание». Тут были присланы произведения Елеонского, Гарина, Телешова, Бунина, Серошевского, пять или шесть томов самого жертвователя и многое другое. Книги эти, как новинки, читались публикой нарасхват. О помещении всех этих книг в имеющуюся открыться библиотеку — читальню нечего было и думать, поэтому книги эти были розыграны в лотерею, и деньги, конечно, собраны. Кроме того, был установлен тем же М. ежемесячный взнос на усиление средств для открытия библиотеки. Денег набралось порядочно; были пожертвованы и книгами, например, Чехов, Лесков. Тут же был послан куда следует запрос о разрешении открытия библиотеки. Выбран ее заведующий. Дело, кажись, закипело, но не тут-то было: ни отказа, ни разрешения до сего времени не получено, если и получено, то из интересующихся лиц делом выходного образования никто об этом ничего не знает. Кто в этом виноват? Наши ли всеильные канцелярии, поглотившие в море бумаг и эту переписку, начальство ли, какое сочло нужным не открывать в Усть-Уде библиотеку, или что-то другое помешало, — ничего не известно, а известно только то, что вопрос об открытии библиотеки у нас умер. М. же уехал из Усть-Уды, передав кому-то собранные им книги и деньги, и это благое дело заглохло» (21 января 1906 г.). Но если так и не состоялось открытие публичной библиотеки, может быть, имелись здесь частные библиотеки? Да. «У отдельных состоятельных людей имелись домашние библиотеки с ограниченным количеством книг?¹⁶» — отвечает на наш вопрос местная газета в 1949 году. Но и не только у состоятельных...

В Усть-Уде жил на поселении большевик Постышев. Он собрал у себя богатую библиотеку, правда, о дальнейшей ее судьбе ничего не известно.

После революции появилась целая сеть библиотек (изб-читален), началась массовая ликвидация безграмотности, росло число школ. Грамотных людей становилось все больше. Если предки Валентина Григорьевича были сплошь неграмотными, то дед, отец и мать имели уже кое-какое образование (по тем временам немалое — 3-4 класса).

Бабушка Мария Герасимовна, хотя и была неграмотной, владела россypями народной выразительной, образной, яркой немногословной речи в ее среднеангарском варианте. Даже одно-два слова «по матери» мирно, никого не оскорбляя (и не оскорбляя слух!) сливались в ее почти стихотворных выражениях, где значение имело все: ударение, произношение, растянутость, певучесть, оттененность, плавность, образность, краткость, поразительная точность словоупотребления, мягкий юмор, добрая ирония, бунт против нечистой совести.

Литературно одаренными родственниками Валентина Распутина были: его дядя Леонид Никитич, который посылал свои стихи даже в редакцию центральных СМИ, невестка Полина Николаевна, которая сочиняет стихи по сей день.

¹⁶Газета «За большевистские колхозы» № 53 от 4 декабря 1949 г. Заметка «Культура нашей деревни» (без подписи).

По материнской родне несомненным прозаическим даром обладал родной брат Нины Ивановны Константин Иванович Чернов, бывший белый офицер, живший в Красноярске, доживший до 90 лет и оставивший любопытные мемуары, которые недавно переданы в наш музей.

Часть II.

Ищущая и страдающая душа

1. Корни

Как уже упоминалось, Валентин Распутин родился в старой Усть-Уде 15 марта 1937 года. Повторяем, не в Аталанке, не в Атамановке, не в поселке Усть-Уда (современная Усть-Уда находится на 50 километров восточнее прежней), а в селе Усть-Уда, которое находилось в устье реки Уды.

Фамилия Распутина к тому времени «разрослась по Ангаре густо»¹⁷. Одно из «низовских» сел в Усть-Удинском районе так и называлось Распутано. И в прошлом, и теперь в наших местах живут десятки семей с такой фамилией. Их родственность предположить можно, но настаивать на этом не следует, так как нет доказательств. Во всяком случае, родственность аталанских Распутиных не подлежит сомнению, так как сотрудниками нашего музея найдены документы, подтверждающие это¹⁸.

Выходцы из семьи Аталанского селения крестьянина Василия Распутина (к сожалению, мы отчества не знаем) создали свои семьи, их потомки — свои... Если построить генеалогическую цепочку по отцовской линии В.Г. Распутина, то получим такую «ветвь»:

... —► Василий —► Федор —► Яков —► Никита —► Григорий —► Валентин...

Если бы можно было протянуть эту цепочку из XVIII, XVII и более ранних веков, то мы, во-первых, поразились бы ее протяженности. А во-вторых, тому, что никогда нигде она не имела права прерываться, должны были быть в этой цепи все здоровы, способны рожать, способны прокормить свою семью, если мужчины воевали, то должны были вернуться здоровыми и невредимыми, чтобы продолжить род; если в деревню пришла эпидемия, она не должна была задеть эту цепочку своей косой.

Иногда диву даешься, пытаюсь мысленно проследить весь путь от сотворения мира до своей колыбели. Нас, людей, как на ладонях, пронесли предки через лабиринт веков и выпустили как голубей в день сегодняшний. Дорожить надо этим! Не растрчивать жизнь по пустякам. А стремиться сделать что-то нужное, полезное, значительное, доброе...

2. Бедность

Доброе, доброта, не показная, не витринная, а сермяжная и настоящая, характерны для многих литературных героев В. Распутина, а ведь они нарисованы чаще всего с натуры и, прежде всего, с родственников писателя, которые были простыми сердечными людьми и никогда не забывали бога, совесть, хотя и нуж-

¹⁷Валентин Распутин. Откуда есть — пошли мои книги. М., Братск, 1997.

¹⁸Метрическая книга Яндинской Преображенской церкви за 1873 год, с. 16 (из фондов УУКМ).

дались, жили бедно. «Не мы одни, вся деревня жила бедно», — напишет позднее В. Распутин¹⁹. И это подтверждается свидетельствами людей, документами Аталанского сельсовета. В одном из них мы читаем: «Слушали: о жене и матери погибших военнослужащих Акулине Владимировне Бакановой, которая живет, имея 7 детей, в очень плохом состоянии в Аталанке. Постановили: согласно ее желания уехать в Усть-Уду дать ей две лошади и снабдить хлебом в дорогу»²⁰.

А вот свидетельство жительницы старой Аталанки: «И одевались мы бедно, и жили небогато. Зайдешь в избу любую: скромно, скудно, голые стены, мухи, 5-6 ребятишек»²¹.

Или вот еще яркий пример: «Жила в деревне семья Гамаюновых: глава Афанасий Иванович, жена Лиза, 6 детей, еще бабка. Посменно ходили на работу, потому что на всех имелась одна телогрейка»²².

А вот воспоминание из детства самого писателя: «Вижу картину разлившейся Ангары, затопившей деревню, по которой мы, ребятня, плавали на плотиках, и пронесенной на стремнине на каком-то помосте коровы; слышу и сейчас чей-то голос: «Это матушка Ангара бедным детушкам понесла»²³.

3. Первые открытия

Иллюстрируя бедность, мы ушли немного в сторону, вернемся же в год 1937. После смерти детей Нина Ивановна всю свою нежность отдала новорожденному. «Не было у моей Нины Ивановны других заслуг, кроме доброго сердца, но это так много!», — с благодарностью много лет спустя напишет сын, а тогда, в 30-х, он ощущал только тепло рук, губ, нежные прикосновения, дыхание и ласки.

Рос Валентин худеньким болезненным малокровным ребенком. Ему требовались хорошее питание, молоко, молочные продукты. Поэтому родители решают в 1938 вернуться из района²⁴ в Аталанку, где, имея хозяйство, можно было гораздо проще прокормиться. Да и родня зовет: вместе веселее, глядишь, и малыш подкрепится.

Уволился Григорий Никитич из заготзерна, собрал вместе с женой пожитки, погрузил все на подводу и оправился в путь-дорожку в свою родную Аталанку, где они зажили одной большой семьей с отцом, матерью, братьями и сестрами.

Первыми открытиями для маленького Валентина стали старенькие-престаренькие учебники старших Распутиных, издавшие виды детские книжки, которые читала красавица Таньчора возле колыбели своего племянника. Каждый раз, читая, она водила пальцами по строкам, Валентин тянул ручонки к книгам, но их никогда ему не давали, а давали деревянную лошадку, и он водил пальцем по лошадке.

Ближе к вечеру все пространство вокруг заполняли уставшие от дневных забот мать и бабушка, особенно бабушка, ее голос, ее складный ангарский говорок, ее сказки, под которые так хорошо, так мирно засыпалось. Любила бабушка, когда подрос ее внук и выучился читать, послушать стихи Пушкина, Лермонтова, осо-

¹⁹Валентин Распутин. М., Братск, 1997, с. 3

²⁰Из протоколов пленумов Аталанского сельсовета за 1946 год, с. 1 (из фондов архива Усть-Удинской мэрии, ф. 27. о. 1. д. 9, с. 6)

²¹Из воспоминаний Г.И. Слободчиковой. (УУКМ, ф. 29, о. 4, д. 35, с. 7)

²²Из воспоминаний П.Н. Распутиной (УУКМ, ф. 29, о. 4, д. 36, с. 4)

²³Валентин Распутин. М., Братск, 1997, с. 4.

²⁴Район — так называли райцентр.

бенно Некрасова. Некоторые стихи, особенно понравившиеся, она могла слушать по несколько раз. «Было так. Было, — вздыхала она. — Ну, иди играй». И внук прыгивал с колен бабушки и бежал прочь.

Однажды произошло громадное событие в жизни ребенка. Мать купила ему трехколесный велосипед — единственный, который выкинули на продажу в сельмаге. Буквально на несколько минут опоздала тетка Наталья²⁵ с сыном Димкой²⁶. Она тоже хотела купить велосипед, но ее опередили. Тогда Димка догнал Нину Ивановну и пошел рядом. А когда Валя впервые сел за руль, Димка сказал: «Ты не умеешь, дай покажу».

Так они подружились. И дружат уже шестьдесят лет.

На школьной фотографии они тоже рядом — Дима, Валя и Володя Медведев.

«Едва научившись ходить, — вспоминал Распутин, — мы ковыляли к реке и забрасывали в нее удочки; еще не окрепнув, тянулись в тайгу, начинавшуюся сразу за деревней, собирали ягоды и грибы, с малых лет садились в лодку и самостоятельно брались за весла, чтобы грести к островам, где косили сено, потом снова шли в лес — большинство наших радостей и наших занятий было связано с рекой и тайгой».²⁷

4. Страшные истории

Ребятишками излазили всю Аталанку, изучили каждый ее закуток и клочок земли. Как-то нашли ямы возле Верхней Речки, стали спрашивать взрослых, стариков. Они и рассказали, что Аталанка начиналась именно здесь, в Тунгусовском селении. Первые поселенцы — русские поставили тут два-три двора, взяли в жены эвенкиек. Казалось, живи, не тужи, но стали миряне здесь болеть, помирать. «Гиблое место», — решил сход, и перебрались люди на новое, поближе к Нижней Речке. Кладбище, хотя и расположили в отдалении, но постепенно-постепенно с расширением деревни, ростом населения оно все ближе и ближе подвигалось к селению, пока не оказалось чуть ли не в центре Аталанки. Со временем построили на кладбище часовню, в 1929 превратили ее в клуб.

В сумерках там, на кладбище, мерещилось бог знает что. Особенно после того, как наслушаешься страшных историй про убийства, привидения, таинственные голоса. Говорят, души убиенных долго не могут успокоиться и все бродят, бродят среди могил. Может быть, среди них и душа Мосеихи?

Жила такая купчиха в Аталанке. Еврейка. Торговала по «низам», по Илимю. Большой дом нажила, золото, драгоценности заимела. Однажды зашли к ней домой лихие люди, тогда по Ангаре шуга шла, ограбили ее, увезли с собой, убили, а труп в Ангару бросили. А вскоре после смерти сгорел осиротевший дом.

На горелом месте построился Иннокентий Распутин. Так ему разные кошмары снились. Вроде забываться стала история с Мосеихой, но жуткие вещи происходили и в годы войны с фашистом. Объявился в аталанских лесах дезертир. Из

²⁵Наталья Иннокентьевна Слободчикова (1902-?), аталанская колхозница, неграмотная, вдова, ее муж Слободчиков Иван Егорович (1896-1943) из коренных аталанцев, участник Первой мировой, гражданской войн, в 1938 году был репрессирован, умер на Магадане в 1943 году, перед арестом работал председателем Аталанского сельсовета. Из заключения на свободу он передавал записки, написанные на папиросной бумаге карандашом, об издевательствах и пытках над заключенными.

²⁶Димка - Диомид Иванович Слободчиков (1936 г.р.), сын Натальи Иннокентьевны и Ивана Егоровича Слободчиковых. Друг В.Г. Распутина, герой рассказов «Мы с Димкой» (1966) и «На родине» (1999).

²⁷Живая связь времен и судеб: Беседа с В. Распутиным. — Советская Россия, 1979, 6 мая.

местных. Говорилось это с оглядкой и шепотом: «Ему человека убить, что муху прихлопнуть».

Поползли слухи, что дезертир — это Павел Федорович Пинигин, короче, Пашка — разбойник. Такое прозвище к нему и пристало.

Появились в деревне и новые люди, беженцы. Это слово ребята впервые в войну и слышали. Тетка Марфа Белякова со своими пригожими дочками — Лирой и Ниной, семья Сараевых с пацаном Юрой, многодетные Бакановы, Клава Токмакова.

Открылся в Аталанке детский дом в бывшей семилетке. Постепенно он стал наполняться сиротами, беспризорниками, детьми войны. «Понавезли детей оборванцев, — вспоминает П.Н. Распутина, — начальство детдома обижало их, не докармливало. После войны детдомовцев вывезли».

5. В первый класс

В 1944 Валентин Распутин пошел в первый класс, как он сам писал, «мы с Димкой потопали на нижний край деревни, где стояла школа»²⁸.

За парты сели не только аталанские ребяташки, но и вся округа: филипповские, криволуцкие, ереминские, барановские. Дети войны! Как они бедно одевались: платишки, нередко перешитые из простеньких выцветших тканюшек, а то и домотканые. Холщовые мешочки, перешитые из кулей, вместо сумок, на ногах — чулочки, а то и какие-нибудь обмотки. Головы многих девочек повязаны платочками, под которыми скрыты коротко подстриженные волосы. А какие попадались дикари и дикарочки: на вопросы учителей молчат, потупившись, то плачут, то пропускают уроки (представьте, если в иной семье одна пара валенок на взрослых, тут уж не до детей, не до учебы). О некоторых учителя догадывались, что голодают их семьи, не доедают, а иные детишки (хоть и росток с вершок) поработать успели — в няньках, подпасках. А о том, как у них проходила учеба, никто лучше не расскажет, чем сам В. Распутин: «Учились мы все вместе в одном большом классе. В первом ряду у окошек сидели мы, первоклассники, во втором — второклассники, весь третий и полчетвертого ряда занимал третий класс, а на последних трех партах сидели четвероклассники.

За один урок в нашей школе можно было научиться чему хочешь. Когда мы, например, хором учили буквы из азбуки, во втором классе в это время шла арифметика, в третьем — родная речь, а в четвертом — история или география. В войну ребята баловались мало, а все равно одной учительнице с нами со всеми управиться было тяжело. Даст она, например, нам задание, а сама уйдет к третьему классу и читает им «Родную речь», а мы тоже слушаем. Только надо сделать вид, что не слушаешь, чтобы учительница к одному заданию не добавила другое, а самому слушать, и все. Зато, когда мы вслух учили буквы, с нами вместе их повторяли и в третьем, и в четвертом классе. Они сидят, пишут, а сами повторяют»²⁹.

Мы не знаем пока имени первой учительницы В. Распутина. Зато документы району сохранили имена аталанских учителей: это Т.П. Нечаева, Л.С. Голоперова, В.В. Драгунская, Е.В. Акимова, М.Ф. Лебедева, Г.И. Чертовских, А.М. Бичевина, Л.Б. Овсянникова, З.Ф. Поваренских.

²⁸В. Распутин. «Деньги для Марши». М., 1968. с. 56.

²⁹Там же, с. 57.

Но учеба учебой, надо помогать матери по хозяйству, понимал Валентин, что он единственный в доме помощник — мужчина. Летом нравилось ему жить на покосе. Хоть и покусывала мошка, но как хорошо забрести куда-нибудь на бережок, да поудить рыбу. А в долгие зимние вечера, сделав уроки и выполнив задания по хозяйству, забраться на русскую печку, да открыть любимую книгу Л. Толстого на любимом рассказе «Филиппок». Как время летит быстро, когда попадаете интересная книга! И пусть потом получишь нагоняй за сожженный керосин, книга согревает душу, будит мечты, делает мир интересным и увлекательным.

6. Первые послевоенные...

В тот майский день люди, как обычно, трудились на поле, готовили пашню под посевы. Взрослым помогали школьники. Еще издали увидели: бежит тетка Дарья Пинигина. Уж слишком торопится, думают, что-то случилось. Подбежав, тетка Дарья только и выдохнула: «Война кончилась, бабоньки». Что тут началось: плачут, обнимаются. Побежала ребятня в деревню, а среди них — друзья Дима и Валя.

Люди оделись, как на праздник, столы на улице повытаскивали. Поздравляют друг друга с Победой. Кто пел, а кто и плакал. Бабка Марья причитала о сыне³⁰, ее дочь Тина оплакивала мужа³¹, другая дочь Клавдия, хоть и навидалась на войне всякого, не сдержалась и тоже зарыдала, вспомнив своего возлюбленного Николая Воробьева³², которого тоже перемолол молох войны.

Кстати, Клавдия Никитична вскоре после Дня Победы уехала в Иркутск. Из всей своей родни она одной из первых переехала в город, и ее называли в деревне «городская». Личная жизнь у нее так и не сложилась, своих детей Бог ей не дал. Из всех своих племянников она больше всего любила Агу-Ангелину. Однажды прислала ей в подарок городскую шляпку, так Ага чуть ли не спала в ней. Так в ней и сфотографировалась, когда пошла в школу. Этот снимок сохранился до наших дней.

На этом снимке запечатлен третьеклассник Валентин. Рядом с ним по обе руки друзья — Дима Слободчиков и Володя Медведев. Всего на фотографии 21 школьник и учительница Лидия Борисовна Овсянникова. Она приехала после окончания педучилища из Тулуна. Вела большую общественную работу, возглавляла колхозную комсомольскую организацию, писала в местную газету о делах молодежи, о лучших людях села. Вместе со школьниками помогали колхозу: хлеб складывать в телеги, чтобы везти на молотилки, подбирать каждый колосок, убирать овощи, картофель, пасти коров, лошадей в летние каникулы, складывать дрова и многое другое. И все это делалось детьми, у которых частенько было пусто в желудке.

«Иногда оставались ночевать в поле, чтобы не терять время на переход домой и обратно», — вспоминала свидетель тех лет Г.И. Слободчикова³³. Тем более в голодный 1947. Весной 1948 года «пришлось особенно туго, я глотал сам, и заставлял глотать сестренку глазки проросшей картошки и зерна овса, ржи...»³⁴, — писал Распутин впоследствии.

Свои коррективы вносила в жизнь людей природа: то вода выходила из бере-

³⁰Виктор Никитич Распутин. Убит в 1942 г. под Сталинградом.

³¹Алексей Терентьевич Спириин, муж Кристины Никитичны, умер от ран в 1944 г. под Витебском.

³²Николай Дмитриевич Воробьев. Убит в 1944 г. под Ленинградом.

³³Из воспоминаний Галины Ивановны Слободчиковой (запись от 14.02.2002 г., пос. Аносово).

³⁴Валентин Распутин. Избранные произведения. Том 1. М., 1990, с. 50.

гов и затапливала низины и острова и по сути дела оставляла животных без кормов, а людей — без молока; то налетала буря, дул ветер такой силы, что сносил ветхие крыши домов и даже вырывал кресты на кладбищах; то засуха; то беспре- рывные дожди...

В неурожайный год любая заготовка шла впрок: грибы собрал, ягоду нарвал, ореха добыл, все запасалось на зиму. Пили березовый сок, знали, что полезен. Шла в пищу саранка, сосали пихтовую зелень, жевали серу. Но обмануть желудок не так просто. Праздники ребятня ждала как манну небесную. В пасху бежали на горку крашенные яйца катать, зимой ряжеными ходили, пели, плясали, славили хозяев и зарабатывали гостинцы.

Любимыми детскими играми были лапта, играли в нее и взрослые, и дети прямо на дороге. Своих любителей собирали «городки», «бабки», «третий лишний», «жгут поехал, жгут пошел...».

Молодежь собиралась на окраине села в какой-нибудь избышке, устраивая ве- черки с выпивкой; плясали под гармошку или балалайку до утра; освещали по- мещение камином, сделанным в уголке русской печи, где жгли смолевые мелкие дрова, а летом керосиновой лампой или даже лучиной, а то и просто без всякого света, в то время как и в районе, так и в Аталанке не было электричества. Конечно же, водили хороводы, пели песни, играли в самые разные игры.

Ребята помладше подсматривали за какой-нибудь влюбленной парочкой, ко- торая уходила или к Ангаре, или к соломенному стогу, который весь был изрыт ходами (здесь днем играла ребятня).

Валентин вместе со своими друзьями участвовал во всех мальчишеских про- делках, но были у него и свои особенности: он больше, чем кто-либо проводил время в библиотеке, как он сам признавался, «перебрал там все книжки», любил слушать рассказы пришлых людей и деревенские байки. При его огромной на- блюдательности и феноменальной памяти это все фиксировалось, накапливалось и хранилось в сознании. Да и повезло ему с другом Димой. Такого рассказчика, изображающего действия в лицах, говорящего голосами разных людей, надо еще поискать. А как пропустишь рассказы фронтовиков? В 1947 вернулись почти все мужики, кроме тех, кто навсегда остался на поле брани. С палочкой возвратился домой Иван Егорович Слободчиков, прославленный танкист, дошедший с боями до Берлина. А ему годков тогда было чуть больше 20. Казалось бы, ничто не дер- жит его в родной деревне, семьи нет, невесты нет, документы на руках, а специ- альности механизатора и водителя требуются в любом городе. Засобирались уже записаться на какую-нибудь стройку, да увидел ее: стройную, красивую, кругло- лицевую, с толстой косой и большими глазами, в которые хочется смотреть и смо- треть. Раньше бы на нее не посмотрел — мелюзга. А теперь такой цветок нельзя не заметить. Прихрамывающую фигуру теперь можно было все чаще видеть на краю деревни, где жила девушка Галя.

В это время произошло громадное событие в жизни деревни. Колхоз получил машину-«полупорку» — первую и единственную на многие километры вокруг. За баранку предложили сесть Ивану Егоровичу. А вскоре подросла свадьба с той самой девушкой Галей.

Когда все это происходило, Валентин ходил уже в четвертый класс и, конечно же, успел, как и вся ребятня, прокатиться на колхозной машине. Именно на этой машине и с этим водителем накануне 1 сентября 1948 года В. Распутин поедет поступать в 5-й класс, в старую Усть-Уду.

7. Поездка в Усть-Уду

Но вернемся в 1947 год, когда отец Валентина был заключен под стражу, осужден и отправлен в места заключения. Нина Ивановна осталась с тремя детьми. Той зарплаты, какую она получала, никуда не хватало. Ее и раньше-то судьба никогда не баловала: рано лишилась родителей, пришлось, чтобы не умереть с голоду, уйти из родных мест, взяв с собой младшую сестру. Чтобы как-то прокормить ее и себя, готова была выполнять самую черную работу батрачки за кусок хлеба. Замужество принесло новые испытания: ранняя смерть детей, тревога за здоровье сына Валентина, переезд из Усть-Уды в Аталанку, работа по хозяйству под руководством властной свекрови, долгая разлука с мужем во время войны, и вот новая разлука... Опять она наедине со своими проблемами, нуждами и заботами. И, конечно, с детьми. Младшенькому тогда только год исполнился. Ага-Ангелина нынче в третий класс пойдет, а вот как быть со старшим? Все: и родня, и старики, и братья советуют: «Учи парня. Башковитый он у тебя». Но решать ей, матери. Десятилетка находилась в Усть-Уде — это в 50 километрах от Аталанки. Ножками туда не набегашься. Надо, чтобы сын там жил. А у кого? У чужих? Надо тогда платить. А чем платить, если на столе шаром покати, картошка и та — по счету. Год выдался неурожайный, голодный. Есть, правда, в Усть-Уде знакомая, да вот согласится ли? У самой трое ребятишек, забот полон рот, без мужа, а тут еще квартирант малолетний... Ладно, до 1 сентября еще далеко. «Съезжу, узнаю как и что», — решила про себя Нина Ивановна.

Поездку она все откладывала, пока до 1 сентября времени почти не осталось. Отпросилась она у своего почтового начальства и поехала в Усть-Уду. «На своих харчах? — переспросила знакомая, когда разговор зашел о главном, ради чего приехала в район Нина Ивановна. — Пусть живет».

Казалось бы, надо радоваться. Вопрос с квартирой легко решился, но почему-то тревожно и беспокойно на душе, как будто она отрывает от сердца что-то самое дорогое.

8. Усть-Удинский Ломоносов

Пусть заголовок и звучит немного громко, но очень точно. Если бы измерить то расстояние, которое прошел пешком Распутин, пока учился в десятилетке в Усть-Уде, то этот путь оказался бы поболее, подлиннее, чем тот, который преодолел Ломоносов, двигаясь пешком из Холмогоров в Санкт-Петербург.

И еще хотелось бы назвать эту главу так потому, что оба они вышли из деревни, оба тянулись к знаниям, обоим Бог наградил щедро талантами, а главное — огромной настойчивостью, целеустремленностью, любознательностью и любовью к малой Родине, а по большому счету, к России.

Но вернемся к тому дню и часу, когда 11-летний Валентин Распутин, сидя на узле с постелью, а между ног поставив мешок с едой, трясся в кузове «полупорки» в Усть-Уду. За рулем сидел фронтовик Иван Егорович Слободчиков в гимнастерке, с ним в кабине кто-то из колхозного правления, в кузове односельчане.

Дальше Верхней Речки Валентин еще ни разу не бывал, а тут проехали и речку, и еще одну, и еще, и Бутаково, и Бердниково, и Федоровку, и еще деревню, и еще...

Первое время все казалось новым и интересным. Усть-Уда показалась огромным селом с множеством домов, собак и детей.

Поражал своими размерами двугорбый деревянный мост через Уду. А школа даже страшила блеском стекол в огромных окнах двухэтажного здания. Казалось, что здание состоит из одних окон.

Мать, когда приезжала в Усть-Уду, побывала уже в школе у нового директора Сергея Павловича Шевченко, записала сына в 5 «А» класс. Поэтому Валентину надо было просто прийти в школу 1 сентября и занять свое место за партой в 5 «А» классе, что он и сделал. По аталанским меркам школа в Усть-Уде была просто переполнена детьми, учились дети в две смены. В перемену невозможно было протолкаться по коридору, но дети есть дети, они шумели, гомонили, баловались, бегали, катались по перилам, несмотря на стесненные условия.

Поначалу диковато чувствовали себя ребята из деревень: Милославка, Шипицино, Янды, Щербаково, Светлолобово и других, но вскоре и их захватил круговорот, и они уже не стеснялись своих заплаток и чирков.

Первое время Валентин сильно тосковал по дому и держался совсем в стороне от других мальчишек. Хотя потом он и сошелся с ними, но настоящих друзей, вероятно, так и не приобрел. Он очень болезненно переживал насмешки, и даже намек на них, и замыкался в себе, не подпуская никого близко, не бывая откровенным. Может быть, поэтому в школе даже не догадывались, что он частенько голодает.

Видимо, подмечать это, быть внимательным и чутким к окружающим тебя людям, дано не каждому учителю.

9. Три красных яблока

В 1948 году словно прорвало плотину «голода по образованию», и в школы просто хлынул поток учащихся. Война еще держала эту запруду, но вот наступил долгожданный мир, и за парты рядом с 11-летними сели 12-14-летние, и даже 15-летние. Правда, потом большинство из них будет отсеиваться, а в документах напишут: «Выбыл как переросток в 17 лет», «Пошел учиться в ремесленное», «Закончил 7 классов, пошел работать», «Поступил в техникум» и прочее и прочее. Правда, некоторые из них, самые настойчивые, закончили 10 классов. Но в 1948 они учились в одном 5 «А»: и те, кто родился в 1937, и те, кто родился в 1936, 1935, 1934 и даже в 1933.

Поток (волна) желающих получить образование объясняется еще и нехваткой школ. На весь Усть-Удинский район тогда имелись 59 начальных школ, две семилетки и одна средняя. В 1948 - 1949 годах в них обучалось 2473 ученика, а преподавательский состав насчитывал 118 человек.

Примерно 30 преподавателей составляли персонал средней школы. Среди сильнейших учителей назывались имена Марии Васильевны Шелашниковой, Любови Афанасьевны Сиваковой (они преподавали русский язык и литературу), Лидии Семеновны Рябых (вела историю) и Петра Михайловича Молокова (география).

В начале учебного 1948 года в педагогический коллектив школы влились молодые специалисты Телинскова Лидия Филаретовна (она стала преподавать в пятых классах арифметику), Митюкова Мария Семеновна (историю), Шульгин Василий Иннокентьевич (физкультура, военное дело).

Рисованию учил детей потомок дворян Константин Иосифович Залесский (он совмещал работу в клубе и в школе).

Но, к сожалению, установить преподавателя французского языка нам не удалось. Уповаем на письмо Митюковой Марии Семеновны, которая живет ныне в Крыму, в г. Евпатория.

Может сразу возникнуть вопрос: как же так, известно ведь, что в рассказе «Уроки французского» В. Распутин рисует образ учительницы под ее настоящим именем Молокова Лидия Михайловна. Значит, она и преподавала французский в пятых классах. Ничего подобного, Лидия Михайловна Данилова (девичья фамилия) пришла в школу в августе 1951 года, когда Распутин учился уже в восьмом классе. Поэтому преподаватель французского языка в нашем повествовании остается пока «вакантным».

Но не будет ошибкой, если скажем, что образ Лидии Михайловны Молоковой в рассказе — это, конечно же, собирательный образ, это как витраж, собравший кусочки разноцветных стекол воедино, в один узор.

Внешность героини? Это, конечно же, от реальной Лидии Михайловны. Многие староустудинцы, кто знал ее, сходились в одном мнении: она как будто сошла с кинолент или с фотокарточки артистки. Это изящество во всем: в повороте головы, в движениях, в манере держаться, разговаривать, одеваться всегда со вкусом и в самое модное по тем временам, выглядело на фоне деревенской простоты и бедности шиком и блеском. «Ею мы просто любовались», — говорили нам многие люди.

Характер и поступки героини? Здесь в одной корзине собраны плоды воспоминаний разных мест и разных лет, но преследуют они одну цель: поклониться человеческой доброте. Ведь именно она дала крылья пареньку из глубинки, научила летать и не бояться высоты. Благодарность Лидии Михайловне — это благодарность усть-удинским, аталанским учителям, подобным легендарному Сомылину, который устраивал бесплатное питание детям бедняков, и не только учителям, но и всем тем, кто давал пристанище «усть-удинским Ломоносовым», кто подкармливал их, подвозил, просто похлопывал по плечу, учил жить и выживать.

Распутинские три красных яблока — это три поклона. Первый — красоте и обаянию Лидии Михайловны, второй — всем добрым людям, и третий, самый низкий, земной — человеку с бриллиантовой душой, Марии Семеновне Митюковой. О ней отдельный рассказ.

10. Человек с бриллиантовой душой

Таких людей не бывает много. Они редки, как все прекрасное.

Когда она в первый раз пришла в 5 «А», ей было 25. За спиной — фронт, ранение в шею, исторический факультет Иркутского пединститута.

Красавицей ее не назовешь, но что-то в ней было притягательное. Русые волосы спадали завитками на плечи. Полное скуластое лицо портил большой подбородок и широковатый рот. Из-под прямых бровей смотрели внимательные добрые глаза, голова (из-за ранения) чуть наклонена вбок. Казалась она вся какой-то большой и нескладной. На ее уроках, что уж там греха таить, можно было расслабиться, побаловаться, пошептаться... Незаметно, как бы исподволь Мария Семеновна не просто познакомилась с каждым учеником, но узнала историю каждого.

У Тони Тимофеевой из деревни Шипицино убило на фронте отца. «Осталось пять девок и мать», — как она сама рассказывает. Самая младшая умерла от голо-

да. Старшие помогали матери перешивать отцовские вещи, везли в «Устье» (там находились пристань и аэропорт), обменивали на продукты. Еще узнала учительница, что Тоня живет на квартире у Воробьевых, нуждается в помощи. Знала, что бедствуют Купрякова Тамара, Бердников Александр, Торгонина Граня, еще несколько мальчиков и девочек. У кого погибли отцы, у кого вернулись инвалидами, у кого многодетная мать получает гроши, кто в буквальном смысле голодает... И что интересно, именно их, бедолаг, Мария Семеновна просила помочь ей по хозяйству после уроков. Помогали они или не помогали, но чаевничали уж точно.

Такого «конспиратора» как Валентин, и того раскусила однажды. По следам побоев на лице... Но об этом лучше прочитать в рассказе «Уроки французского», что правильной было бы назвать «Уроки истории». А может быть, гораздо раньше случилось это «разоблачение»? Когда она в первый раз увидела его обутки — чирки, в которых из всего класса ходил только он?

Во всяком случае, посылку с макаронами «от мамы» послала именно она, Мария Семеновна Митюкова. И хотя «вранье» раскрылось, все равно макароны были съедены «усть-удинскими Ломоносовыми», в том числе и Валентином.

Но Мария Семеновна была, видимо, не одинока в своем стремлении как-то помочь своим подопечным. Вот воспоминание реальной Лидии Михайловны Молоковой: «Помню женщину. Преподавала математику. Красивая, энергичная, волевая. Она была одинокой. Вероятно, воевала на фронте. И как человек более взрослый, чем мы, она хорошо понимала этих обездоленных временем ребятешек, которые ходили в школу в старой одежде, книги носили в тряпочных сумках и неизвестно чем питались. Это она их подкармливала. Я сама это видела».

Как зовут эту учительницу, мы пока не знаем, но очень хотелось бы узнать.

Есть такая расхожая фраза: «Зло должно быть наказано». Никто с этим не спорит, но В. Распутин в своем творчестве идет дальше, стремясь продолжить этот афоризм: «Добро должно быть вознаграждено».

11. Первое свидание

Пятый, шестой, седьмой классы. Незаметно-незаметно, но ребенок, мальчик превращается в будущего мужчину, раздается в плечах, взрослеет, становится более скрытным. Особенно это характерно для них, детей войны, кто познал голод, холод, нужду, ранний труд, кто нередко становился свидетелем голодной смерти своих близких, а то и животных — коров, лошадей, кто знал цену и крошке хлеба. Бесспорно, были в классе и дети обеспеченных родителей, но их все-таки было меньшинство. Их богатство лежало в виде бутерброда в портфеле, а дома их ждало другое богатство — живые отец и мать.

Такими богатыми детьми считались Толдонов Володя, Петух Аня, Иванова Тамара.

О Петух Ане особый разговор. Пришла она в класс в 1949 году, когда ее родители переехали в Усть-Уду. Отец работал вторым секретарем райкома партии. Общительная, умненькая, красивая, с голубыми глазами и толстой русой косой, она как-то сразу влилась в школьный коллектив, не отказываясь ни от одной общественной нагрузки. Она училась только на «отлично», успевала помогать отстающим, выпускать стенгазету, ходить в кружки и выполнять еще множество поручений учителей и пионервожатых. Когда ее кандидатуру предложили в старо-

сты класса, голосование было единогласным: «За Аню». Многие мальчишки были тайно влюблены в Аню. Этой участи не избежал и Валентин. И так же, как и все влюбленные, вздыхал, писал записки...

Но, видимо, этот порыв остался без ответа.

Став постарше, Валентин пригласил однажды на свидание Молокову Октябрину (была она постарше, считай девушка), но каким-то образом одноклассницы, в том числе и Пудик (Людмила Митюкова), проведали об этом, и группа девчат спряталась за угол и оттуда поочередно выглядывала. Под тем домом, возле которого намечалось свидание, жил бесхозный козел — курильщик (его кто-то приучил к табаку). Это была своего рода достопримечательность Усть-Уды тех лет. Ребятишки постоянно его дразнили, поэтому он хорошо помнил обиды от озорников. И угораздило же Валентина сесть на ту доску, где находились рога козла. Резкий толчок, и полетел в лужу. «Смеху-то было!» — рассказывает одна из свидетельниц этой сцены.

12. Признание в любви

Директор школы «во френче» Лука Петрович Беляевский представил классу новую учительницу — Лидию Михайловну Данилову. Она будет преподавать в 8 «А» французский язык и одновременно будет классным руководителем. Она стояла перед ними «аккуратная, вся умная и красивая, красивая и в одежде, и в своей женской молодой поре...» Даже не верилось, что такая красавица-москвичка будет у них классным руководителем. Присмирел даже сын коменданта Виктор Гвоздюк, известный школьный бандит (карбид добавлял в чернильницы, начинял дрова патрончиками от мелкашки, и эти дрова ничего не подозревающая истопница подбрасывала в топку печки-голландки).

С восьмиклассниками трудней стало справляться даже директору. Он все еще по привычке ловил их и пытался остричь «под Котовского», но они вырывались и убегали.

Лидия Михайловна сразу взяла класс «в оборот». Вовлекла ребят в школьный хор, который сама возглавила; стали разучивать «Песню французских докеров» на французском языке, другие песни. Растормошила всех, даже самых пассивных. Организовала драмкружок, гдегодились выдумка, изобретательность, игровые способности и Гвоздюка, и Петух, и других девчат и ребят. В спектаклях принимали участие почти все восьмиклассники, в том числе Валентин. Внушила всем, что классу необходимы лучшие спортивные результаты, разожгла дух соперничества, и вот получены первые плоды этих усилий. Ребята победили в смотре физподготовки среди учащихся старших классов. При этом особенно отличился Соколов Спартак. Затевала увлекательные игры и походы, и сама в них участвовала. Играли в волейбол так много и били по мячу так крепко, что мяч не выдерживал, рвался.

Какие бы ни проходили конкурсы, смотри, викторины, олимпиады, во всех делах принимал участие 8 «А», и нередко побеждал. И, словно сверстница, искренне радовалась его успехам Лидия Михайловна.

Как не полюбить такую учительницу?

«Уроки французского» — это и есть признание в любви.

13. Выпускной

В новом учебном 1952 году из двух восьмых классов «А» и «Б» образовался один девятый, состоявший из 40 учащихся. Такого людного, пожалуй, не было за все семь послевоенных лет.

Все каникулы Валентин проводил, конечно же, дома: сначала в Аталанке, а, когда мать переехала в Замараевку, в Замараевке, где чувствовал себя попривольней: народу меньше, а грибов и ягод больше, только мошка уж слишком злющая, бывало, накомарник наденешь, а все равно жалит.

Летом с одноклассниками пытался подзаработать денег на рубке просеки, но ничего из этого не получилось, потому что не нашли ключ, а без воды, как известно, «и не туды и не сюды...». Выйдя из тайги, не могли напиться в речке, и даже отгаскивали друг друга за ноги.

Приехав в Замараевку, стал помогать матери таскать воду с Ангары в казенную баню, видел, как мучается мать на этой работе. Отец тогда еще не вернулся из заключения, так что вся семья вчетвером только на материну зарплату и жила. Подходило время отправляться в Усть-Уду на учебу, и мать складывала в вещмешок картошку, хлеб, огурцы. Закинув его за плечо, Валентин привычным шагом направлялся в 50-километровый путь. В школу, в 9 класс. На нем старенький пиджачишко, застиранные штаны с заштопанными коленками, на ногах чирки (в целях экономии ботинок, которые надевал уже перед самой Усть-Удой).

Теперь Усть-Уда не казалась чужой и холодно-неприятной, как в пятом классе. Сдружился с Толдоновым Володей, успел даже пожить у его родителей. Хорошие добродушные люди, хотя живут не в хоромах. Где только не жил за время учебы: и в Подкаменной, и у Каблуковых, и у Толдоновых по улице Кооперативной, и в «Устье»... Книги любил читать где-нибудь в уединении: на природе, или на крыше, или на сеновале, или в бане... Подолгу застревал в библиотеке, где ему помогали в выборе литературы Слезавина Софья Вильгельмовна (по слухам, происходила из Санкт-петербургских дворян), Софья Александровна Лбова, Мария Николаевна Аксеева, Евдокия Яновна Кальман. Они сами боготворили книгу и старались привить любовь к чтению старшеклассникам.

В январе 1953 года кумир класса Лидия Михайловна вышла замуж и стала Молоковой. Молодой ее муж учился в Иркутском горно-металлургическом институте, и жена решает уехать к мужу. Летом 1953 года она простилась навсегда с Усть-Удой. Через много-много лет она вернется, но уже совсем в другую новую Усть-Уду, чтобы увезти из Светлолобово свою свекровь, которая на старости лет осталась одна...

В 10 класс осенью пришли 38 юношей и девушек. Классным руководителем стала Барабанова Валентина Петровна, которая преподавала физику и математику.

Осенью же выбыл из класса Гвоздюк Виктор. Его семья переехала в Тайшет. Но появился и новичок — Константинов Геннадий из Михайловщины. Ему шел уже 18-й год, но были в классе молодые люди и постарше — 19-ти и даже 20-ти лет от роду. Своими за годы учебы стали литовцы Аткогунайте Геня и Поплаускайте Альдона из Милославки, Баркаускас Игнас (жил по Комсомольской в Усть-Уде).

В марте 1953 года умер Сталин. «Мы учились во вторую смену, — рассказывает Геннадий Купряков. — Когда получили это известие, нас, всю вторую смену, построили в коридоре. Учителя плачут. Директор что-то говорит... А мы же молодые — кровь кипит... Или кто-то что-то сказал смешное, или сделал. Все засмеялись. Это было замечено и истолковано так, что наш класс радуется, что умер Сталин».

И вот «антисталинисты» дожили до майского утра 1954 года. Наступила пора выпускных экзаменов. Директор школы Лука Петрович Беляевский (теперь он ходил в костюме и белой рубашке) после приветственных слов в абсолютной тишине взял со стола пакет, вскрыл его и зачитал темы сочинений. И вот 15 парней и 23 девушки сосредоточенно склонились над партами. Из самых переживающих за ребят членов экзаменационной комиссии была, пожалуй, Мария Семеновна Митюкова. Стоило директору куда-нибудь отлучиться, она проходила по рядам и что-нибудь да подсказывала, советовала, напоминала, и веселее скрипели перья даже у самых забывчивых сочинителей.

К трем часам дня все учащиеся, даже тугодумы, закончили писать сочинения. Большинство избрало темами своих работ «Ленин и партия в поэме В.В. Маяковского “Владимир Ильич Ленин”», «О моральном облике комсомольца по роману А. Фадеева “Молодая гвардия”». Валентин Распутин, как и многие его товарищи, получил оценку «отлично».

После устных и письменных экзаменов и зачетов пришел наконец долгожданный выпускной. Собрались родители, одевшись во все самое нарядное. Приехала и Нина Ивановна. Она привезла сыну приятнейшее известие: вернулся домой отец. Все внимание теперь было обращено на них, выпускников. Их поздравляли, желали успехов, удачного поступления в институты. Лука Петрович, вручая аттестаты зрелости, шутил и острил, радуясь за сильный класс. Отличные оценки получили Соколов Спартак, Распутин Валентин, Толдонов Владимир, Петух Аня, Лбов Геннадий, Мякишев Виктор. Всех их представили к награждению золотыми и серебряными медалями.

«Выпускников тепло поздравили, — писала местная газета, — секретарь райкома КПСС тов. Носков, председатель райисполкома тов. Оропченко, от родителей тов. Иванов И.М.»³⁵

После официальной части, конечно же, накрыли столы. И ученики приглашали своих учителей на школьный вальс. А утром всем классом ходили за Подкаменную в лес. Не забывается такое никогда!

³⁵Выпускной вечер. «По сталинскому пути», № 42 от 24 июня 1954 г.